

Когда на место научной фантастики пришло фэнтези, будущее подменили прошлым, считает историк и социальный философ Андрей Фурсов. В интервью «БИЗНЕС Online» он рассказал, как «Игра престолов» размывает понятия о добре и зле у своих зрителей, почему из фэнтезийного Средневековья вынули христианство, кому мешал научно-технический прогресс 1960-х годов и зачем мечты о других планетах и звездолетах променяли на мир разврата и средневековых пыток.

Что такое «Игра престолов»?

— Андрей Ильич, на мировые экраны выходит последняя серия монументального американского сериала «Игра престолов». Кинолента бьет миллионные рекорды по просмотрам и при этом вызывает очень неоднозначные отзывы критиков. С вашей точки зрения как историка и ученого, что такое «Игра престолов»?

— Прежде всего по конструкции мир «Игры престолов» — это комбинация трех разных эпох. С одной стороны, там угадывается Античность, с другой — темные века, «Темновековье», то есть хронораздел между концом Античности и началом Средневековья. С третьей — там мерцает Высокое Средневековье; в частности один из вольных городов, Браавос, очень напоминает Венецию. В Браавосе есть каналы, плавучие дома и даже часть города, ушедшая под воду. И имеется хищный Железный Банк.

Все это вместе взятое можно охарактеризовать как докапиталистический и доиндустриальный мир, сложенный из Античности, Средневековья и некоторых элементов культуры Востока (кочевники, рабовладельческие города, напоминающие центры Восточного Средиземноморья и севера Африки, — нечто вроде Карфагена). Впрочем, все это выглядит довольно органично. Другое дело, что люди, населяющие сложный придуманный мир, вовсе не кажутся обитателями Темновековья — их психология вполне современна.

Если мы сравним «Игру престолов» с другой масштабной фэнтезийной эпопеей — «Властелином колец», то бросается в глаза одно существенное отличие. И в книге у Джона Толкина, и в фильме у режиссера Питера Джексона очень четко проводится грань между добром и злом. Более того, силы зла даже внешне выглядят ужасно и отталкивающе: это гоблины, орки или сам величайший враг свободных народов Средиземья Саурон. А эльфы, напротив, прекрасны и воздушны, да и люди неплохи. В «Игре престолов» эта четкость утрачена, причем, вероятно, сознательно. Внешне люди из мира «Песни Льда и Пламени» могут выглядеть абсолютно нормально и привлекательно, но при этом быть уродами в душе. Абсолютного зла здесь практически нет, за исключением разве что Рамси Болтона и короля Джеффри. Даже Мизинец (лорд Петир Бейлиш) — персонаж отрицательный — совершает добрые дела, разумеется, в своих корыстных интересах: зло, творящее добро. Он, например, спасает Сансу Старк, которая ему небезразлична, но, самое главное, с ее помощью собирается стать владыкой Севера. Впоследствии Санса разгадывает игру Бейлиша, а ее сестра Арья убивает Мизинца как одного из виновников смерти отца. Но все-таки в какой-то момент Бейлиш совершает хороший поступок, меняющий ход игры и истории мира «Престолов».

Еще одна красноречивая черта эпопеи — и кинематографической, и книжной: на всем ее протяжении зло то и дело торжествует над добром. Относительно положительные персонажи гибнут от рук отрицательных (впрочем, и последним достается). Таким образом, и в фильме «Игра престолов», и у Джорджа Мартина в книжной саге постоянно проводится мысль о том, что добро и зло перемешаны и отличить одно от другого очень сложно. Вообще-то в жизни так оно есть: реальный мир не черно-белый, он включает в себя различные оттенки серого. На одном полюсе, белом, есть святые, на другом, черном, — мерзавцы и чудовища вроде Рамси Болтона, а пространство между этими двумя полюсами серое. Но серая жизнь идет, а вот принципы должны четко отличать белое от черного. В фильме у его героев такие принципы просматриваются плохо.

Мир «Игры престолов» — мир убийств, интриг, подлости, разврата, инцеста и жестоких пыток. Если мы вспомним Средневековье или особенно позднюю Римскую империю, то все это там найдем. И в эпоху Ренессанса, чья теневая сторона была замечательно описана русским философом Алексеем Лосевым, кипели демонические страсти и торжествовал порок, но в эпоху Мартина тьма сгущена до предела: читателям и зрителям навязывается мысль, что в мире добра не очень много, а зла предостаточно, оно побеждает и в принципе является нормой.

«МИР «ИГРЫ ПРЕСТОЛОВ» — ЭТО МИР УБИЙСТВ, ИНТРИГ, ПОДЛОСТИ, РАЗВРАТА, ИНЦЕСТА И ЖЕСТОКИХ ПЫТОК»

Борьба за власть

«ГЛАВНОЙ ЦЕННОСТЬЮ ЭТИХ МИРОВ БУДЕТ ВЛАСТЬ КАК СПОСОБНОСТЬ КОНТРОЛИРОВАТЬ РЕСУРСЫ И ПОВЕДЕНИЕ МАСС»

Вообще-то реальное Средневековье при всей его жестокости смягчено христианством, благодаря чему не было таким уж темным. Философ Бердяев даже называл Средние века величайшей эпохой в истории человечества, поскольку это первая попытка построить на земле Царство Божие. А из «Игры престолов» христианство вынута. Как видно из самого названия, это просто игра честолюбий и борьба за власть.

— Я бы не стал преувеличивать смягчающую роль христианства. Достаточно вспомнить альбигойские войны, костры инквизиции и многое другое. В «Игре престолов» мы видим Темные и Средние века, но христианства как такового там нет. Кстати, его нет и во «Властелине колец». В мире «Песни Льда и Пламени» имеются свои религии, самой крупной из которых является Культ Семерых. Есть и те, кто верит в огонь, — сторонники культа Р'глора, напоминающего зороастризм (но это не более чем внешнее сходство). Отчасти с христианством можно найти перекличку разве что у движения Воробьев: там есть аскеза, Его Воробейшество. И все же этому движению далеко до последователей Христа, поэтому мы вынуждены констатировать: христианства в мире «Песни Льда и Пламени» нет. Если учесть, что современный Запад тоже лишен христианства, а под видом далекого прошлого «Игры престолов» нам демонстрируют одну из версий мира будущего, то это далеко не случайно. В посткапиталистическом мире ниша христианства будет весьма узкой, если вообще будет.

— То есть нам предлагают сценарий будущего под условным названием «Вперед в Средневековье!», но это Средневековье, очищенное от христианства и полностью отданное звериным страстям.

— Не просто «Вперед в Средневековье!», это рывок сразу в несколько вариантов «будущего как прошлого». Капитализм как система дышит на ладан, его уже почти нет. Начинается переходная эпоха к чему-то принципиально иному и не обязательно лучшему, скорее наоборот. И если не случится глобальной катастрофы, то будущее, которое нас ожидает, не будет однородным и гомогенным, пока полностью не установится новая система. С одной стороны, это будет футуроархаика Африки, с другой — оно будет напоминать докапиталистический арабский Восток. Третий вариант — Китай, где традиционный китайский уклад возьмет на вооружение компьютерные технологии и установит систему социальных рейтингов. Она уже опробуется в КНР¹. Старший брат, выведенный Оруэллом в романе «1984», здесь просто отдыхает — это окажется такая система тотальной слежки за всеми и каждым, которая и не снилась оруэлловскому герою Уинстону Смигу (на заметку тем, кто любит поговорить о светлом социалистическом Китае как альтернативе «темному и злему миру капитала»).

Будущее — это мир нескольких будущих, причем некоторые из них весьма футуроархаичны. Внешней аналогией здесь могут быть «темные века» по отношению к пусть уже не светлой, но все же еще не такой уж темной Античности IV века нашей эры. И похоже, главной ценностью данных миров будет власть как способность контролировать ресурсы и поведение масс. Собственно, «Игра престолов» нам это и показывает. Единственная безоговорочная ценность, которая сохраняется у большинства мартиновских персонажей, — власть. Даже если мы возьмем Арья Старк, для которой важны человеческие чувства, то увидим, что многими ее поступками руководит жажда мести. И мстит она, ощущая месть как власть и пользуясь навыками, которым ее научила группа наемных убийц, очень специфических, напоминающих средневековых ассасинов. Среди персонажей, в душе которых добро и зло постоянно борются друг с другом, можно также вспомнить Джона Сноу и Дейенерис Таргариен. И оба они в разной степени (но особенно Дейенерис) стремятся к власти.

— Если взять Средневековье как оригинал, то мы увидим, что практически все — от крестовых походов и поисков чаши Грааля до творчества Кретьена де Труа и миннезингеров — имело религиозную оболочку. Получается, что внехристианский мир «Игры престолов» — это даже не пародия на *medium aevum*, это антисредневековье.

— Я бы не стал преувеличивать религиозную составляющую тех же крестовых походов. Да, религия оформила крестовые походы, но при этом они решали две проблемы: из Европы выбрасывалась избыточная демографическая масса, одновременно удовлетворялась жажда пограбить и поубивать. Не забудем, что Европа XI–XIII веков по сравнению с утонченным арабским Востоком выглядела как варварский мир. Собственно, арабы, когда они впервые столкнулись с крестоносцами, так их и воспринимали — как дикую орду, которая пришла грабить развитую цивилизацию. И они были недалеко от истины. Так что я не стал бы называть «Игру престолов» антисредневековьем

¹Предусматривает специальную систему ранжирования, которая станет отслеживать поведение населения и выставлять оценки жителям на основе их «социального кредита»; нарушителям могут быть воспрещены полеты на самолете и поездки на поезде, выгодное трудоустройство, обучение детей в элитных школах и вузах и пр. — (прим. ред.)

на основании того, что оттуда многое выброшено. С другой стороны, в мир «Песни Льда и Пламени» вставлено многое из того, чего не было в средневековом мире, — это уже упомянутый мною античный пласт.

«ОТЧАСТИ С ХРИСТИАНСТВОМ МОЖНО НАЙТИ ПЕРЕКЛИЧКУ РАЗВЕ ЧТО У ДВИЖЕНИЯ ВОРОБЬЕВ: ТАМ ЕСТЬ АСКЕЗА, ЕГО ВОРОБЕЙШЕСТВО. И ВСЕ ЖЕ ЭТОМУ ДВИЖЕНИЮ ДАЛЕКО ДО ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ ХРИСТА»

Фэнтезийный мир на смену фантастике

«В ФЭНТЕЗИЙНОМ ЖАНРЕ НЕТ НИ ДЕМОКРАТИИ, НИ ПРОГРЕССА — ЭТО БУДУЩЕЕ КАК ПРОШЛОЕ»

— Почему, на ваш взгляд, жанр фэнтези стал так популярен в последние десятилетия? Ведь еще на излете советского времени ценилась научная фантастика, читателей больше привлекали звездолеты и неизведанные миры, далекие планеты и некое неясное, но лучезарное общегалактическое будущее, а теперь вместо всего этого — темные века с убийствами и инцестом.

— Совершенно верно, причем пик научной фантастики (и советской, и западной) пришелся на 1960–1970-е годы. Однако в 1970-х годах этот жанр начал постепенно затухать и сходить на нет, уже в 1980-х на Западе начинает набирать силу жанр фэнтези. Конечно же, это неслучайно. Именно 1960-е годы стали пиком научно-технического прогресса в XX веке. К тому времени закончилась первая половина XX столетия, за эти полсотни лет было изобретено столько, что все казалось возможным, верилось, что прогресс будет нарастать по экспоненте. 1960-е — это мир безудержного социального и культурно-технического оптимизма. Человек полетел в космос, запустил искусственные спутники и задумался об освоении других планет. Но этот порыв человечества в будущее создавал определенную угрозу для власть имущих как на Западе, так и в Советском Союзе. И уже в 1960-е годы перед сотрудниками Тавистокского института изучения человека в Великобритании (причем по иронии судьбы он располагается в графстве Девоншир, рядом с дартмурскими болотами, где разыгрывалась мрачная драма «Собаки Баскервилей» Конан Дойля) была поставлена задача притормозить научно-технический прогресс путем внедрения определенных информационно-психологических и организационных моделей. В частности, стартовала работа по созданию молодежных и женских субкультур и движений (именно в это время как по заказу появились **The Beatles**, **The Rolling Stones**, стал развиваться экологизм, резко активизировалось феминистское движение).

Одна из главных задач, поставленных перед Тавистокком, звучала так: to stamp out the cultural optimism of the 1960s (искоренить, вырубить, вытравить культурный оптимизм 1960-х годов). А научная фантастика, особенно советская, безусловно, была оптимистической по своему настрою. Некоторые менее оптимистические ноты (не могу их назвать пессимистическими, но они выглядели более сложными, чем просто оптимизм) прослеживались у ряда писателей в соцлагере, в частности в книгах Станислава Лема (достаточно почитать его «Астронавтов» и «Магелланово облако»). Однако общий настрой советской фантастики до середины 1960-х годов был преимущественно оптимистичным — это видно и по творчеству братьев Стругацких, и по романам Ивана Ефремова. Но к концу 1960-х годов происходит перелом, причем на очень простом основании: номенклатура по корыстным групповым причинам отказалась от рывка в будущее и предпочла начать интегрироваться в капсистему. Наиболее проницательные наши фантасты интуитивно уловили этот поворот. Иван Ефремов пишет роман «**Час Быка**» (опубликован в 1968–1969 годах, отдельной книгой вышел в 1970 году), который по инициативе Юрия Андропова начинают изымать из книжных магазинов и библиотек — уж очень руководство планеты Торманс вышло похожим на советское Политбюро. На смену «**Полдню...**» Стругацких приходит «**Улитка на склоне**». Даже по знаменитому советскому журналу «Техника молодежи» это было хорошо видно: тональность публикаций меняется со второй половины 1960-х и в 1970-е.

На Западе перелом происходит по схожим причинам: технический прогресс, бурно развивавшийся со второй половины XIX века, позволял пользоваться своими плодами среднему слою и верхушке рабочего класса — это заключало в себе угрозу для власть имущих, потому правящий класс начал реагировать. Можно сказать, что советская номенклатура и западная верхушка сработали здесь синхронно. Результатом стало торможение научно-технического прогресса во второй половине XX и начале XXI века. Что изобретено за это время? Мобильный телефон, компьютер, интернет? Но это не идет ни в какое сравнение с космическими достижениями первой половины XX столетия.

Одним из следствий негативного эволюционного перелома 1970-х годов стало вытеснение или оттеснение научной фантастики жанром фэнтези. В фэнтезийном жанре нет ни демократии, ни прогресса — это будущее как прошлое. И подобное очень хорошо коррелирует с известным докладом 1975 года «Кризис демократии», который по заказу Трехсторонней комиссии написали Хантингтон, Крозье и Ватануки. Это очень интересный документ, я уже не раз о нем говорил. Если коротко, основная мысль доклада сводится к тому, что Западу в большей степени угрожает не Советский Союз, а избыточная демократия на самом Западе, которой могут воспользоваться «безответственные социальные группы». «Демократическая политическая система оказывается особенно уязвимой напряжениями от промышленных и региональных групп», — декларируют авторы доклада. Поэтому, как говорилось в документе,

необходимо разъяснять населению, что демократия — это не только ценность, но и инструмент, что кроме демократии существуют и другие ценности: старшинства (seniority), знания, авторитет. Буквально это было выражено следующим образом: «Во многих случаях необходимость в экспертном знании, превосходстве в положении и ранге (seniority), опыте и особых способностях могут перевешивать притязания демократии как способа конституирования власти». В заключение доклад предлагал внести некоторую политическую апатию в массы, это полностью коррелировало с входившим в моду миром фэнтези. Ведь в фэнтези, повторюсь, нет никакой демократии — там есть только неожречество, неокороли и неорыцари.

Внутреннее пространство «Властелина колец», «Игры престолов», «Колеса Времени» Роберта Джордана, «Гарри Поттера» и других — это, во-первых, мир иерархий, а вовсе не ефремовский мир «Туманности Андромеды», где будущее носит название Эры Встретившихся Рук. Во-вторых, мир фэнтези — это доиндустриальный или в лучшем случае разрушенно-индустриальный футуроархаический мир. И это тоже соответствует курсу на торможение научно-технического и промышленного прогресса в интересах верхушки капиталистического общества. Идейным обоснованием торможения стал экологизм, превратившийся в квазиидеологию. Первый доклад Римскому клубу (он создан в 1968 году) назывался «Пределы роста». В нем утверждалось, что человечество в своем индустриальном развитии достигло пределов, избыточно давит на природную среду, надо тормозить промышленно-экономическое развитие, перейдя к «нулевому росту». То есть 50 процентов всех средств должно идти на нейтрализацию негатива, который несет индустриальное развитие. Несмотря на то что доклад был разоблачен как наукообразная фальшивка, сторонники экологизма и деиндустриализации размахивали им как знаменем — так же, как сегодня используется другая фальшивка, а именно схема «глобальное потепление в результате деятельности человека».

Таким образом, поворот от научной фантастики к фэнтези с ее доиндустриально-иерархическим, далеким от рациональности (еще одна черта антимодеерна) миром магов и колдунов имеет четкую классовую основу. Выражаясь марксистским языком, это отражение загнивания капиталистического общества и того факта, что капиталистическая верхушка взяла курс на торможение научно-технического прогресса. То же самое сделала в своих интересах и советская номенклатура, когда в середине 1960-х годов заблокировала программу ОГАС Виктора Глушкова (разработчика первой в СССР персональной ЭВМ «МИР-1»), а также программу развития холодного термоядерного синтеза Ивана Филимоненко и еще целый ряд военных достижений КБ Челомея. Дело в том, что реализация проектов Глушкова и Филимоненко несколько отодвигала номенклатуру в сторону, на первый план выходили люди, которых называли технократами. Кстати, я очень хорошо помню, как в конце 1960-х годов в МГУ наш преподаватель научного коммунизма критиковал ученого и фантаста Игоря Забелина за его точку зрения, согласно которой научно-техническая интеллигенция становится ударной силой прогресса. Ну что же, техническую интеллигенцию и задвинули вместе с научно-техническим прогрессом. В этом смысле можно сказать, что мир финансиализированного и обращенного в прошлое капитализма первых 15–20 лет XXI века — это результат параллельных, а с середины 1970-х годов совместных действий западной элиты и части советской номенклатуры. Правда, советская номенклатура этот мир не планировала, она просто реализовывала свои шкурные интересы, а вот западная верхушка именно такой мир запланировала. И мир «Игры престолов» — это одна из версий того мира, который эта верхушка предлагает нам как проект будущего, приучая к возможности такого будущего.

— Однако, если мы вспомним европейскую фантастику вроде Герберта Уэллса, то обнаружим там пессимистический запал задолго до сворачивания научно-технического прогресса. «Машина времени» была написана еще в 1895 году, но картина будущего, в котором низший класс, морлоки, питается мясом высшего класса, изнеженных элоев, выглядит не слишком оптимистично.

— Да, совершенно верно. Я часто предлагаю своим студентам сравнить четыре самых известных романа Жюль Верна, которые написаны в 1870-е годы, но отражают настроения «эпохи оптимизма» (а это 1840–1860-е годы), и четыре самых известных романа Герберта Уэллса, написанных в середине 1890-х годов. Напомню, что кроме «Машины времени» это «Война миров», «Человек-невидимка» и «Остров доктора Моро». Дело в том, что 1870–1890 годы в Англии оказались годами экономического спада и рецессии (1873–1896), которые в значительной степени ослабили поздневикторианскую Англию и поколебали фундамент ее гегемонии. Это стало серьезным потрясением, но затем ситуация отчасти стабилизировалась. Если посмотреть на фантастику первой половины XX века — американскую, европейскую, то она окажется вполне оптимистичной.

Показательно, что в нынешнем мире единственной страной, где бурно развивается своя фантастика и одновременно активно переводится советская, является Китайская Народная Республика. Хотя в последние 5–6 лет даже в китайской научной фантастике возникли тревожные ноты (например, роман Хао Цзинфана «Складной Пекин», получивший

прекращают международную премию «Хуго»). Таким образом, китайские фантасты тоже начинают улавливать вектор развития общества в направлении, которое продемонстрировала нам «Игра престолов».

— **Получается, что упомянутого мною Уэллса не сильно вдохновил проект будущего, предложенный СССР? Ведь известно, что писатель трижды был в Советской России, беседовал с Лениным и Сталиным.**

— Герберт Уэллс был тесно связан с обществом Милнера — одной из серьезнейших закулисных структур, где писатель очень активно работал. И нужно помнить, что именно Уэллс в 1920–1930-е годы написал две примечательные работы: «Открытый заговор» (The open conspiracy) и «Новый мировой порядок». Описанные им схемы будущего превосходят по своим мрачным краскам даже сценарии, которые рисовала себе нацистская Германия (Адольф Гитлер здесь просто отдыхает). Однако победа СССР над Третьим рейхом, над этим мрачным немецким проектом задала человечеству оптимистический потенциал лет на 40 вперед. Это была именно победа советской системы и вообще победа левых сил над фашизмом. Вот этот триумф позитивной, устремленной «в будущее со знаком плюс» фантастики 1950–1960-х годов стал прямым следствием победы Советского Союза и левых движений над темными силами фашизма, а вот «Игра престолов» демонстрирует нам возвращение темных сил на историческую арену.

«У ДЖОРДЖА МАРТИНА В КНИЖНОЙ САГЕ ПОСТОЯННО ПРОВОДИТСЯ МЫСЛЬ О ТОМ, ЧТО ДОБРО И ЗЛО ПЕРЕМЕШАНЫ И ОТЛИЧИТЬ ОДНО ОТ ДРУГОГО ОЧЕНЬ СЛОЖНО. ВООБЩЕ-ТО В ЖИЗНИ ТАК ОНО ЕСТЬ»

«**НАИБОЛЬШИЕ ШАНСЫ ИМЕЕТ НЕ ТОТ, У КОГО ЕСТЬ АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ ПРОЕКТ, А ТОТ, КТО УПАДЕТ ПОСЛЕДНИМ**»

— **Так вот почему эстетически города Вестероса очень напоминают мне гитлеровскую Германию.**

— Я бы не судил так категорично — это вольная аналогия. Вестерос и Эссос все-таки больше напоминают Европу Темных веков. Это еще не Средневековье, но уже не Античность. С другой стороны, вы уловили сходство, поскольку идеалом Третьего рейха было именно Темновековье и раннее Средневековье, дохристианский мир, язычество. Дух здесь абсолютно соответствует тому представлению о воинственной и безжалостной воле к власти, которая господствовала в среде нацистской верхушки. Однако в «Игре престолов» ничего не говорится о некоей высшей расе, которая должна править миром.

— **Но есть Иные — они живут за Стеной...**

— Конечно, но Иные скорее напоминают периферию капиталистического мира, которую не пускают в ядро. Это те самые мигранты, которые хотят прорваться через стену — иногда через буквальную стену, которую Дональд Трамп строит на границе с Мексикой.

— **На карте Эссоса есть и Mossovy, которую иногда отождествляют с Москвией.**

— Я не думаю, что это сознательное созвучие, точно так же, как орки у Толкина (хотя они и приходят с Востока) вовсе не обязательно ассоциируются с Россией. Кстати, сам Толкин подобную аналогию отвергал.

— **Получается, что в вымышленном мире «Игры престолов» России нет в принципе.**

— Ее там нет совершенно, Мартин нарисовал абсолютно другой мир. Кстати, там нет ни США, ни Китая. Впрочем, если говорить в целом, то для части западной культуры, западного кинематографа России как бы и нет. РФ вообще неприятный субъект для значительной части западных политиков и интеллектуалов. Скажем, Латинская Америка приемлема, поскольку это слабая и зависимая версия Запада. В отношении России, даже нынешней, то же самое сказать трудно. Наша страна для западной цивилизации является проблемой по очень простой причине: ее тоже населяют белые люди и тоже христиане (правда, православные), но они абсолютно другие. Кроме того, Россия — это единственная европейская, но при этом не западная цивилизация, которая не позволила Западу установить над нею полный контроль. Это верно даже в отношении последних 30 лет, когда (особенно в правление Ельцина) страной правила полуколониальная администрация, о чем ярко свидетельствуют рассекреченные американцами телефонные разговоры первого президента РФ с Биллом Клинтонем (Борис Николаевич в этих «беседах» ни дать ни взять, просто местный туземный царек, который отчитывается перед метрополией — вот что нужно выставлять в плодящихся, словно поганки, «ельцин-центрах»). Тем не менее даже в эти 30 лет никакой победы нокаутом не было, хотя в перспективе при сохранении нынешних тенденций ситуация безрадостная. А если мы посмотрим на последние 400 лет, то окажется, что российский северо-восточный вариант европейской цивилизации — единственный, который так

и не лег под Запад — ни технологически, ни научно, ни культурно. Россия в XVIII–XIX веках создала свою культуру модерна и свою науку. Про советское время я вообще не говорю. Только один пример: в 1960-е годы в такой сфере, как компьютерная техника, СССР довольно долго опережал США, только волевым решением Политбюро в 1968 и 1973 годах работы были остановлены. Формальное объяснение было типа: денег не хватает, а все, что нам надо, мы и без того добудем. Трудно сказать, сработала ли здесь агентура влияния или это решение объяснялось простой глупостью сытой тупеющей верхушки, однако в дальнейшем в развитии компьютерной техники мы оказались зависимы от Запада, хотя первоначально обгоняли его в том числе и по этой линии.

Вообще нужно заметить, что именно 1970-е годы стали тем временем, когда были «брошены кости», определившие судьбы мира аж на полстолетия, а может, и больше. Чтобы понять мир последних 50 лет, нужно углубиться в то время. При всей внешней благозвучности, впечатление которой производит брежневский «застой», в стране подспудно зрела катастрофа. Уже к середине 1980-х годов теневики как орган определенной части номенклатуры (аналогия времен НЭПа: комначальник — руководитель треста — нэпман в функции барыги), пользуясь «застоем», этим крестным отцом (во всех смыслах) перестройки, накопили средства, сопоставимые с бюджетом страны. Логично, что эти группы поставили задачу легализации данных средств, превращения их в собственность и интеграции в капиталистическую систему.

В 1970-е годы мы проедали свое будущее. Мы предали забвению колоссальный рывок человечества. Какие прогнозы делались писателем Артуром Кларком и крупнейшими американскими корпорациями! Наступающий век виделся миром техноутопий. Но вышло все совершенно по-другому, а дирижировали этим определенные группы, которые и верховодят теперь в мире, пытаясь превратить его в совокупность мегакорпораций. Они лепят мир в своих интересах. Однако еще Гегель любил говорить о коварстве истории. Тот мир, который создали «хозяева истории» (Дизраэли), подходит к концу — вместе с их историей. Подорвав научно-технический прогресс, данные группы подарили себе 50–60 лет жизни, не больше. Так же, как российское самодержавие, проведя в 1861 году реформу по отмене крепостного права, ударившую и по крестьянству, и по помещикам, выкроило для себя еще полвека жизни. Оно предотвратило революцию по западноевропейскому образцу, но само заложило социальный динамит для революции по русскому образцу. Сдается мне, что то же самое случится с нынешними хозяевами мировой игры. Полвека они наслаждались своим триумфом, даже подарили себе полтора десятка «тучных лет», когда грабили территорию бывшего соцлагеря, а теперь пришла пора расплачиваться, все проедено. И сегодняшние хозяева на грани жуткого кризиса, который может обернуться миром футуроархаики в стиле «Игры престолов» или даже чего-то похожего: зима близко, а Иные уже пришли.

— Если нас, России, нет в данной футуристической модели, которую предлагает «Игра престолов», означает ли это, что мы способны предложить свою модель?

— Нет, не означает. Что мы можем предложить на данный момент? Олигархический строй, но только более бедный, чем западный; тот же капитализм, только менее развитый, демонстрирующий запредельное социальное неравенство? Что мы предложим миру? Снизьте число больниц с 11 тыс. до 5,4 тыс., как мы это сделали за последние 15 лет, то есть закрывая 350 больниц в год — по одной каждый день. СССР предлагал альтернативную капитализму социальную систему, построенную на основе социальной справедливости. РФ может предложить капиталистическому миру тот же капитализм, только, повторю, менее развитый, с сырьевой внешней ориентацией и низкотехнологичными отраслями внутри страны. Не думаю, что на сегодняшний день мы способны предложить что-то внятное. Другое дело, что может реализоваться иной вариант: когда рухнет система в целом и вокруг летят обломки, наибольшие шансы имеет не тот, у кого есть альтернативный проект, а тот, кто упадет последним. Как говорил Конфуций, тот, кто отпрыгнул дальше всех, может прыгать еще раз.

Ведь что такое Советский Союз? Это был антикапитализм, которому советская номенклатура не позволила превратиться в посткапитализм. Таким образом, этот вариант уже отработан. Судя по всему, ни христианство, ни другие авраамические религии тоже не могут предложить своего проекта. Да и вообще, новые успешные идеологические проекты рождаются не в кабинетах, а в острейших кризисах вместе с кровью. И скорее всего, что-то кардинально новое появится, когда кризис шарахнет очень серьезно. Но, чтобы это новое реализовалось, нужен субъект, который упал последним, но затем отжался и встал. Думаю, что сейчас главная задача обществ, особенно бедных, — не упасть первыми, а пропустить мимо себя тех, кто почище-с (как говорил Гоголь).

«ВЕСТЕРОС И ЭССОС ВСЕ-ТАКИ БОЛЬШЕ НАПОМИНАЮТ ЕВРОПУ ТЕМНЫХ ВЕКОВ. ЭТО ЕЩЕ НЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ, НО УЖЕ НЕ АНТИЧНОСТЬ»

«РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК ЧЕРНОЕ, АБСОЛЮТНОЕ ЗЛО ВОСПРИНИМАЕТ КАК НЕЧТО СМЕШНОЕ»

— Если мы вспомним модели будущего, которые господствовали, начиная с античности, то найдем там очень мало оптимистичных сценариев. Сам античный мир представлял историю в качестве регресса — от золотого

века к глиняному. Это заметил еще Гесиод, а затем повторил Платон.

— Более того, историческая схема Платона являлась консервативной. Это была попытка законсервировать развитие общества посредством его кастеизации. Собственно говоря, Римская империя после кризиса III века — это квазикастовое общество, а никакое не раннефеодальное. Да, у Античности не было своего позитивного проекта — таковой появился только с христианством, а реализовался после того, как схлынула кровь Темновековья. Христианский проект был негативным слепком с Античности и ее же отрицанием. Отсюда, кстати, вырастают еретические движения Средневековья и в конечном счете социализм.

— **Однако позитивный проект христианства заканчивался апокалипсисом, а потом уже новой землей и новым небом.**

— Бердяев как-то сказал, что католицизм чреват протестантизмом, а протестантизм чреват атеизмом и социализмом. Я думаю, что социализм, безусловно, находится в христианском ареале, но это максимально очищенная от всех религиозных элементов версия. Никакого апокалипсиса она не предполагала.

— **Разве что для капитализма.**

— Капитализм должен был отмереть, а пролетариат — выступить его могильщиком. Но если уж мы заговорили о христианстве, то не могу не отметить, что в нем, точнее, в католицизме сейчас происходят очень интересные вещи. Год назад, в марте, Папа Римский Франциск в одном из интервью заявил, что на самом деле никакого ада нет и что души грешников просто распадаются и рассыпаются, «ничтоизируются». Вот рай есть, а ада нет. Но это совершенно меняет всю доктрину. А как же проблема дьявола? А чем вообще церковь тогда занимается? Мне трудно судить изнутри, я атеист, но, на мой взгляд ученого, сейчас с католицизмом происходит нечто, что удаляет из него очень многие христианские элементы. Он находится внутри нехристианской Европы — и это сказывается.

Между прочим, прошло незамеченным, что папа Иоанн-Павел II признал в качестве христианской конфессии африканский культ Ифа (в упрощенной, гаитянской, версии — вуду). У нигерийского культа Ифа довольно сложная космогония, которую при желании можно пристегнуть к христианству, что и сработал Иоанн-Павел II. Понятно: это делается для того, чтобы каким-то образом повернуться лицом к мигрантам. Проблема лишь в том, что в Европе мигранты — преимущественно мусульмане, а не вудуисты.

Мигранты для Европы — это, как я уже сказал, нашествие Иных, подобное создает очень «интересную» в кавычках ситуацию. С одной стороны, сытые пожилые не способные сопротивляться, как показали, к примеру, события в Кельне на Рождество несколько лет назад, европейцы. А с другой — молодые, агрессивные мужчины, иные в этническом и расовом отношении, в религиозном плане, и их там становится все больше. Для примера: в шведском городе Сёдертелье проживают наибольшее количество иракцев за пределами самого Ирака. Уже сам факт наличия такой массы ментально чуждых местному населению людей меняет социальный код поведения всех остальных, даже если язык страны продолжает оставаться прежним. Иные уже пришли в Европу, а стены нет и быть не может, как нет и рыцарей Вестероса, способных ее защитить.

— **Между прочим, Вестеросом называют один из городов Швеции.**

— Да, жизнь периодически подкидывает очень интересные совпадения, своеобразные метки.

Как сериал скажется на российской аудитории

— **Сознание российского зрителя может быть отформатировано сериалом «Игра престолов»? Известно, что на Западе эта киноэпопея завладела умами.**

— Думаю, в РФ ничего подобного не произойдет. Лет 10 назад в США у меня случился разговор с одним непростым человеком, который рассуждал о том, что американские «стрелялки» действуют на американцев, западноевропейцев успешно в плане реформатирования сознания, а вот на славянских и особенно на русских детей — совсем не так, как им бы хотелось. Он спросил: «Как вы думаете, почему так?» И я ответил на этот вопрос.

— **И почему же?**

— Я сказал ему, что в России принципиально иная смеховая культура, чем на Западе. У нас может быть и очень смешно, и очень страшно одновременно. Кроме того, природа зла в русской культуре не носит абсолютного характера.

Зло абсолютно лишь в западной культуре: это может быть Саурон, это может быть Люцифер, это может быть кашалот в «Моби Дике». Это такое черное, беспримесное зло. А в русской традиции даже Баба-яга — отчасти комический (смеховая культура!) персонаж, она не абсолютное зло. Когда Иван попадает к ней и она обещает его зажарить и съесть, он отвечает: «Нет, ты меня сначала в баньке попарь, накорми и напои». Где ж это видано на Западе, чтобы абсолютное зло тебя кормило и пило? Даже с Кощеем Бессмертным в русских сказках можно договариваться. Русский человек самое черное зло не воспринимает как абсолютное, и этот зазор нередко заполняется комичным. Отсюда и реакции.

Я убежден, что даже на нынешнего очень сильно видоизмененного русского, российского человека чернуха не подействует так, как на западных людей, потому что попытки запугать предпринимаются, а нам не страшно. У нас порой реальная жизнь страшнее «стрелялок» и киношек с абсолютным злом. Уверен, американское общество едва ли пережило бы то, через что мы прошли в 1990-е годы. Это не лучший повод для сдержанного оптимизма, но тем не менее. Как говорилось в фильме «Чапаев»: «Психическая? Ну хрен с ней, давай психическую». Ключевое слово здесь — «хрен».

BigMoney.VIP